

Елена
Бурундуковская

*Учебник жизни
собственной пишу...*

Стихи

Казань
Татарское книжное издательство
2004

УДК 882
ББК 84(2 Рос=Рус)-5
Б 90

Бурундуковская Е.В.

Б 90 Учебник жизни собственной пишу: Стихи.— Казань: Татар. кн. издво, 2004.— 127 с.

Книга Елены Бурундуковской включает в себя стихи, написанные в последние годы.

ISBN 5-298-01421-6

© Татарское книжное издательство, 2004

С творчеством Елены Бурундуковской я знаком уже много лет. Читая ее стихи, вижу, что поэзия для Елены не игра в слова, а дело, которому она отдает все свои силы. Сборник, лежащий перед нами, говорит прежде всего о том, что его автор верен обретенной им лирической интонации, верен своему голосу, своему видению мира. Лирике сейчас трудно живется, трудно дышится, поскольку общая взбудораженность общества в эпоху глубокого кризиса коснулась всех сфер человеческой жизни. Рядом с проблемой выживания вроде бы не важно — что там чувствует один из лирических поэтов. Есть как будто проблемы поважнее. Но вопрос не только в том — выживем мы или нет, но и какими мы собираемся выжить? Если по-прежнему — игнорируя культуру, то сегодняшние результаты обещают в скором будущем уже не только «империю зла», а нечто совершенно непредставимое — мировую свалку, на которой скитаются одичавшие банды, вооруженные не дубьем и обрезками арматуры, а вполне современными автоматами. В обществе насилия вряд ли важно, чем жил человек, о чем думал, что любил, что ненавидел... Поэтому — пока мы не одичали окончательно — будем читать стихи, слушать музыку, вглядываться в полотна современных живописцев и в лица современников, пытаюсь снова и снова разобраться в вопросах, которые задает нам вечно меняющееся бытие.

Все настоящие стихи, как дети, — рождаются от любви. Истина, Добро и Красота — триединый идеал, живущий в душе каждого, откликается при столкновении с миром тройственным чувством — Веры, Надежды, Любви. Именно они делают человека — человеком, а поэта — поэтом. Елена Бурундуковская — поэт, причем поэт, если использовать недавнюю терминологию критиков — «тихий». Она пишет о любви, о разлуке, о городских деревьях, о погоде и музыке, но из ее небольших лирических миниатюр складывается портрет нашей современницы, человека, тонко чувствующего и думающего, отзывчивого и совестливого.

Николай Беляев

Учебник жизни собственной пишу.
Пишу — и рву, и комкаю страницы,
Где ничего не может повториться.
Пишу и рву, и комкаю. Спешу.

Спешу понять — откуда я, куда,
И что меня на этом свете держит.
Пока горит знакомая звезда
И слабый лучик теплится надежды.
На что? На то, что счастье — впереди?
Но прошлое и будущее — тленны.
Лишь этот миг — попробуй, укради
У распростертой за окном Вселенной!

Лишь этот миг единственный, когда
Ты правишь миром и своей судьбою.
И в кулаке расплющены года,
Отравленные горечью и болью.
И кажется, откроется вот-вот
Смысл бытия и жизни подоплека...
Но побледнел с Востока небосвод
И меркнет на глазах прекрасное далёко.

По первому снегу, по крестикам птичьих следов,
По галочьим строчкам, двойным, равномерным
стежкам
Навстречу затверженной впрок череде холодов...
Как эта ходьба круговая наивна, тяжка!

И лиственницы сухожильной прозрачный хребет,
И космы травы порыжевшей — намокшим комком...
И ветер, захлебываясь, начинает хрипеть
Беззвучную песню свою — никому, ни о ком.

И свет безналичный по капле сочится с небес
На весь этот мир окружающий плотной стеной,
На город, сквозь мелкое сито процеженный весь,
Лежащий в снегу и смятении передо мной.

Дом, выгоревший изнутри.
Разворошенное гнездовье,
Являющее исстари
Столетия образ и подобье.

На лестнице чердачный хлам,
Недогоревшая рванина.
Густая копоть по углам
И надпись «Николай + Нина».

И жизнь, мостившаяся тут,
Ее невнятица, сутулость,
Ее скатерочный уют —
Все черным дымом обернулось.

...Он высится порожняком,
Просматривающийся остов,
Внезапный, словно в горле ком,
Необитаемый, как остров.

«Музуровские номера»

Коридорное детство.

Кастрюль беспризорных ряды.

Зачаженный тоннель.

Долгопамятный путь безоконный.

И ступени во двор виновато-скрипучи, круты,

И на лавочке дед, как Никола-угодник с иконы.

Этой жизни чудной, угловатой, пропахшей до дна
Керосиновым, неистребимым отеческим дымом,
Слаще нет.

Я с рождения заражена

Коммунальным,

воинственным воздухом,

горьким, сладимым.

И в отдельной квартире, как в осени жадной,

чужой,

Заигравшейся мало мне места.

И небесный покров, как тягучий тоннель, зачажен,

Пешеходный тоннель в коридорное, общее детство.

По старым улицам ходьба
Неспешная. Вдыхаю запах
Отрочества. Худоба
Трущоб. И солнце тихой сапой
За мной крадется по пятам
И освещает неустанно
Необитаемые страны,
Былые судьбы тут и там.
Вблизи от суеты сует,
Среди бесстыдного достатка
Фасадов шаткая посадка,
Мигающий, щелястый свет.
Старуха в чунях на углу
Из-под руки на солнце смотрит.
Дворняга с непослушной мордой.
Проулок, уходящий в глубь
Времен, текущих непрерывно,
Как Стикс, как слабый ручеек,
В необитаемые страны,
В Отчизну, отчество мое.

Утро пахнет облаком,
Натертым на крупной терке.
Оно лежит горкой на блюде неба.
Фруктово-овощные запахи,
Щекастые, терпкие,
Щекочут нёбо.
Дерево кивает.

Размахивает веткой.

Ежеминутно меняется освещение.
Будто кто-то балуется подсветкой.
Шарит прожектором по сцене,
На которой происходит все,
что происходит.

И в этом есть что-то ужасно упоительное.
... И небо в облаках, как в исподнем
Белье мешковатом, вытянутом...

Пересекая Лядской

На перекрестьях расхоженных, рыхлых дорог
Между вчера и сегодня,
на пересечение
Утренних робких, полуденных щедрых даров —
Маятник сада Лядского, слепые качели.

Неба окраина, воздуха полный глоток.
Близкой ограды чугунной густая штриховка.
Осени вялотекущей рябой холодок.
Скорого лета летящая навзничь походка.
Так — от надежды к надежде —
сквозь ворох тщеты.
Резкими выпадами,
боковыми бросками
Сада Лядского невысказанные черты
Неукоснительно
наискось
пересекая.

В соборе католическом темно.
Пугливы свечки, стираны скатерки.
Здесь прошлое с лихвой сохранено,
Здесь ничего не смазано, не стерто.

Фигурки деревянные святых,
Раскрашенные, пестрые одежды.
Архангелы, притертые впритык,
Согнули свои пальчики потешно.

Здесь дышится и ровно, и легко.
И пламени живому колыханью
Едва ль причиною мое дыханье,
Но что-то там, в приделе, высоко.

Там вертикальные стоят века.
И я сквозь них как будто прорастаю.
Теку сквозь них как сон или река,
Пока не потеряюсь, не растаю...

* * *

В пустом воскресном городе,
Где вот-вот начнут лопаться почки
Такая чуткая гнездится тишина,
Что боишься спугнуть ее неосторожным,
Резким движением.
Сладкое время, когда все замерло,
Прислушиваясь к себе.
Когда хочется встать на цыпочки
И вытянуть шею.
Если погладить дерево,
Оно вздохнет и шевельнет веткой.
Если позвать ветер по имени,
Он отзовется не сразу.
В пустом воскресном городе
Жгут обрезанные ветки,
На которых вот-вот могли бы
раскрыться почки.

Кухонный амфибрахий

Мясистый алоэ, посланник библейских пустынь
Пригрелся на кухне, в снегах азиатской пустыни,
Где сутками чайник кипит, успевая остыть
Едва до утра, где текут разговоры простые
О том и о сем, о погоде, о ценах на хлеб.
И вечности стекла дыханием нашим согреты.
А мы говорим и живем, и страдаем захлеб...
Забытая теплится еле, едва сигарета.

Мясистый алоэ, посланник далеких пустынь,
Зубастые листья спросонок в окошко таращит.
В разгаре зима, и алмазные блещут снега,
Вращенные силой губительной, животворящей.

Кучки вяленых листьев,
Облаков вороха.
Дождь не в силах пролиться.
Снегу рано пока.

Это сдобная осень,
Это дымный октябрь.
Ветер вести приносит.
Галки небо коптят.

Все просторней и чище
За спиной небосвод.
Опустело жилище
Летних прав и свобод.

Все упрямей и тверже
Под ногами земля.
Кто-то в чертову кожу
Обрядил тополя.

Я пройду между ними,
Потеряюсь вдали.
Невесомое имя
Не коснется земли.

Клочок растительности скудной
На оголенном берегу,
И ветер пасмурный, простудный —
Пойму, запомню, сберегу.

Дымы, рабочие районы,
Трамвая утренний маршрут
Воспоминаньем отдаленным
На дне рассудка не замрут.

Черты неясные, глухие,
Приметы, стертые на взгляд,
Способны вызвать ностальгию,
Настроить на щемящий лад.

Тугой комок подкатит к горлу
При виде желтых пустырей,
Где снег слежавшийся, прогорклый,
И запах города острей.

Там, где дощатые заборы
Сбегают наискось, гуртом,
Стоишь и держишься за ворот,
И воздух жадно ловишь ртом.

Памяти Анфисы Ивановны Бобыкиной

Запустенье и ветхость, и запах печали в дому.
Постарели хозяева, вещи пылиться устали.
Только сад по весне еще весь в подвенечном дыму.
И синеют безоблачно дальние дали.

Там, в полях за оврагом, кузнечики время стригут.
Белокурые бабочки скопом идут на посадку.
Кукурузников стаи мелькают на том берегу...
Это отрочество протекает медлительно, сладко.

И когда мой рассудок от пагубных мыслей горит,
И в поступках своих не достанет ума разобраться,
Со спокойной улыбкой хозяйка со мной говорит:
«Вот до осени надо дожить, и в дорогу пора
собираться».

Ночь стоит за порогом.
 Июльская спелая ночь.
 Ветер спит.
 Не шелохнется ветка, не стукнет окно.
 Мы из клуба выходим.
 Папа, мама и дочь.
 Мы втроем.
 В доме отдыха.
 Среди героев кино.

Мы немного побродим еще по аллеям пустым,
 Возвращаясь из мира индийских томительных грез.
 Жар полуденный необоримый остыл.
 Проступает холодной звезды голубой купорос.

Нам втроем хорошо.
 И не нужен нам больше никто.
 Я еще себя взрослой представить никак не могу.
 Я вприпрыжку хожу. Делаю все не так и не то.
 Никогда не оглядываюсь на бегу.

.....
 Ночь стоит за порогом.
 Июльская спелая ночь.
 Город спит.
 И в окрестных домах — ни огня.
 Я уже поняла невозвратность ушедшего прочь,
 В Лету канувшего золотого июльского дня.

Вечер. Дождь

Дождя безутешные всхлипы.
Бульвар обезлюдел, затих.
Как мокрые курицы, липы
Нахохлились в гнездах своих.

Мы бродим и слушаем вечер,
Размытую, смуглую речь.
И тянутся тени навстречу
Неясным предчувствием встреч.

И воздух пропитан прологом,
Зеленой загадкой начал.
И катятся капли полого,
И ластятся листья к плечам.

Кислый кожух навыворот вечной овчинной зимы.
В три часа пополудни крошечная полночь.
И попробуй теперь зарекись от сумы и тюрьмы,
Ведь надеяться только — на ощупь,
когда не на помощь.

В деревянных тисках застревать
слободских тупиков,
Обернувшись на слабый,
на собственный голос.
И глотать этот воздух железный,
как пищу богов,
Чтобы так не горело внутри,
не кололось.

И под окнами чьими-то стоя,
подолгу себя узнавать
В отраженье размытом, двойном,
зазеркальном,
Где качается лампочка в сорок замасленных ватт
И, как мельницы, тени минувшего машут руками.

Типовые фантазии, мелкие сны наяву.
Сколько их,
Авраамовых тех поколений библейских!
Сколько пращуров,
канувших в эту безвестную тьму!
Кислым вечером зимним несмелые проблески,
всплески.

Деревья уже оголились,
И сняты покровы с небес,
Просторы и дали открылись,
Которые скрадывал лес.

В природе ни боли, ни муки,
А лишь равнодушие одно.
В пространстве рассыпаны звуки,
Рожденные ветром, дождем.

И только, как пойманный в клетке,
На ветке листочек один.
Один на один против ветра,
И с жизнью один на один.

Мираж

Прыткий ветер деревьям подола задрал.
И кустарник растрепан и клонит макушку.
Через речку напротив белеет квартал,
Тот, в котором легко и нескучно.

Тот, в котором просторные башни растут,
Словно барышни, липы рядками.
Мы, наверно, с тобою поселимся тут,
Будем жить удивительно, без пререканий.

Мы поедем туда по мосту,
по мосту.

И сойдем на второй от конца остановке,
Там, где сильное дерево спит на посту,
И на выборы кличут листовки.

Мы пройдем по проспекту, где мало машин,
Как в советском кино гармоничная пара.
Только будет мигать проглотивший аршин
Молодой светофор на краю тротуара.

.....
Прыткий ветер деревьям подола задрал.
И кустарник в припадке, и клонит макушку.
Как мираж, растворяется белый квартал.
Бьется тонкая прядь на ветру, непослушна.

Отражение

Какая в зеркале хранится тишина!
Два слова, брошенных неосторожно, —
Гусиной кожей, водянистой дрожью
Поверхность амальгамы сведена.

Удушливый, тревожащий покой
В уставшем доме. Скрипнет половица, —
И дверь сама собой приотворится...
И кто-то зеркала касается рукой.

Одушевленный мир явлений.

Бытие

Загадочное, тесное, глухое.
Я — тень, я отражение твое.
Я — только нерв непрочного покоя.

Минута ясности

Последний миг перед началом
Осени.
Все в ожиданье перемен
Застыло.
Деревьев преждевременная
Проседь...
Вот-вот откроются понятия
Простые.
Минута ясности.
Ответ перед собой.
За лето резвое,
За головокруженье,
За неотвязную,
Густую боль,
За необдуманность решений...
Все это — прошлое.
А дальше как?
Расскажет мелкий дождь.
Покажет время.
Нищают, заостряются деревья,
Отряхивают мертвых листьев прах.

Тепла в природе нет —
И жизни нет.
Как эта истина понятна и прозрачна!
О сколько надо зим пройти,
Чтоб наконец
Внезапно так и горестно
Стать зрячей.

Монолог библиофила

Морщинистый, заплесневелый том.
Как в погребѣ, в нем сумрачно и душно.
Хранятся здесь вповалку и гуртом
Немые, неопознанные души.

Столетия прошли с тех давних пор,
Когда дымились повороты судеб.
А мы теперь, беспамятные судьи,
В заведомо пустой вступаем спор.

О чем? И что нам может доказать
Точеный строй картавых, сонных литер!
Бесповоротно вымершая знать
Беспочвенных не жалует открытий.

Под копотью казенных, утлых фраз,
Кустарных, однобоких измышлений
Нам не узнать естественный окрас
Истории. В ней каждый только пленник.
Лишенный права голоса в веках,
Ни защититъ, ни оправдать не может
Себя и своего сословья крах,
Опутанный нечаянной, но — ложью.

.....
Чугунный мрак насупленных страниц.
Фонарик мысли вьется, неустанный.
И проступают выраженья лиц,
Полночные, неведомые страны.

*Август. Дежурство в онкологической
клинике*

Набухшее, беременное небо
Чем разродится в августе больном?
Покажется, что не дожить до снега,
И думаешь все чаще об одном,
О том же все, о брэнном, о насущном,
Больничный запах порами впитав,—
Воздастся ли свой тяжкий крест несущим,
Кем чаша муки вдосталь испита?
Что будет вдалеке: за ней, за гранью
Борьбы и слез, и слизистых супов?
Так буднично чужое умиранье,
И с кровью не рифмуется любовь.
Хотя и здесь все движется любовью.
Лишь ей одной. И долг не оплатить...
Под утро прикорнет у изголовья
Умаявшийся ангел во плоти.

Есть память ощущений.

Лишь она
Души бессонной верная подруга...

Вдруг что-то поднимается со дна,
Невнятное, как отраженье звука.
И вот уже протянута извне
Пространственная цепь ассоциаций.
И тень от абажура на стене
Качается.

И голоса толпятся.
И со стены лихой дагерротип,
В усы улыбку пряча, наблюдает,
Как жизнь непостижимая летит,
Летит —
и никуда не улетает.

Стираются случайные черты,
Но детства ощущения нетленны.
В них целый мир живет запечатленный.
Там люди, словно ангелы, чисты.

Липовый цвет

Нет, еще не листва, но валится липовый цвет.
Обостряется зрение, к вечеру ширится угол.
Этот ветхий район, целый мир угловой, целый свет
Не открытый никем, заподозрен, запуган.

Кислым запахом липовой тюри
пропахший насквозь,
Этот мир потемневший
в коросте скукоженной краски,
Где рябины,
нагнувшейся низко, незрелая гроздь,
Да ограды сквозные, чугунно-змеиной оснастки.

Так и хочется к этим прилизанным, щуплым
прильнуть
Раскосевшим дверям в бесконечное детство.
Как обратный одышлив прерывистый путь!
Погоди, дай одуматься, дай оглядеться.

И тогда я увижу наверное, наверняка,
На какой меня привязи нежной, заботливой держат
Эти фотогеничные слишком, картофельные облака.
Эти влажные липы в тяжелых, кипящих одеждах.

Нет ни прошлого, ни будущего нет,
Только этот, между выдохом и вздохом,
Безымянный, косо падающий снег,
Обрамленный перекладинами окон...

Только эта пронцаемая высь,
Нарисованное облако в середине...
Погоди, постой, не торопись!
Голубиный, ласковый, короткий,
Долгий миг наедине с собой,
Между будущим и прошлым на изломе...
— Ты довольна ли своей судьбой? —
Никого, листвы и неба кроме.

Разорван, скомкан горизонт.
Воспалена гортань заката.
И повторяется стократно
Один и тот же тяжкий сон.

И с непокрытой головой
Теснятся кроткие деревья.
И воздух пристальный и древний,
И ветра посвист горловой.

Жизнь утекает

Мелкоячеистое, скудно теплится наше жильё.
Тонкостенный,
на скорую руку сколоченный улей.
Сквозь ничтожные щели дверные,
оконные жизнь утекает.
Ее
Остановишь опасною бритвою
или слащавой снотворной пилюлей.
Нет, ничто так не давит,
как эта, внутри, пустота.
Стоэтажные драмы, наверное, столько не весят.
Нить сознания сбивается, рвется.
Как в жирную речку с моста.
Белый свет — пропыленное, ветхое платье невесты.
Двери заперты.
Сотни стандартных, притертых дверей.
В тесной лестничной клетке,
как в камере душной Рентгена.
Ведь никто никому не знаком.
И надежней, верней
Остеречься.
Глухим равнодушьем пропитаны гены.
Одиночество — жалкое слово.
Сравнений поток пересох.
Так пульсирует время —
две частые точки в часах электронных.
Так уходит признаний чернильная влага в песок.
Так чернеет листва в обезвоженных
старческих кронах.

* * *

Есть час единственный на протяжении суток,
На грани дня и ночи сумеречный миг.
Меж тьмой и светом слабый промежуток,
Куда рассудок трезвый не проник.

Тогда привычные понятия разъяты,
И только времени медлительный песок
Молочной струйкой льется синеватой...
Под пальцем сбивчиво пульсирует висок.

И пыль вселенская усеяла листы.
Тысячелетний ветер штору треплет.
И близких звезд косноязычный лепет
Расслышишь ли с кромешной высоты?

* * *

Осень поздняя, стылая мокрядь.
Дождик вечный и мелкий как бес.
Город волком затравленным смотрит,
Озираясь пугливо окрест.

Но пока неумное время
Синей жилкой стучит у виска,
Я упрямо в хорошее верю,
А в плохое не верю пока.

* * *

Поминальную свечку в церквушке ледащей куплю.
И за всех убиенных невинно поставлю.
И качнется Георгий в седле, и приникнет к копыю,
И пахнет окровавленной сталью.
Черный воздух морозный до коллик остер.
Коченеет рука и сжимается против воли.
Сколько братьев беспечных моих и сестер...
Я не знаю отчаянней боли.
В этой сказочной, дивной стране, милицейской,
цепной,
Все оплачено трижды смертельной, дешевой ценой.
Только память, как свечка слезящаяся, коротка.
Догорит — и сжимается крепче рука.

* * *

Разреженная шевелюра клена
Мотается в оконной раме.
Чем этот сумрак застекленный
Чреват — потерями, дарами?

Листвы задрогшей трепетанье,
Сухая муха в паутине.
Загадка жизни, смерти тайна
На ученической картине.

И, растворяясь, исчезает
Смысл, не успевший зародиться.
Смотри, как листья улетают,
А может, опадают птицы.

* * *

В окруженье кактусов и пыли,
Словно бы во вражеской осаде,
Летние каникулы проплыли
Лишь воспоминанием о саде.

Лишь воспоминанием о жизни
Осень примостилась у окошка,
За которым дождевые слизни,
Да мяукает дурная кошка.

Из дачного окна

Как шейная жила, день напряжен.
Затишье предельно.
Воздух взрывается. Прет на рожон.
Быть хочет при деле.
Кустарник пугливый к земле пригибать.
Пластаться, аукать.
И влажную спину, как зверь, выгибать.
И ставнями стучать.
На даче соседней проверить чердак,
Скрутить занавески.
Затихнуть и всхлипывать жалобно так.
По-детски.

* * *

Все страшнее и проще
Начинается день.
Между мною и прошлым —
Одинокая тень.

Ничего не осталось
От прошедшей меня.
Только малая малость.
Только отблеск огня.

Только брезжит окошко
Среди общего сна,
Да мяукает кошка.
Это значит — весна.

Весна.

Опять природа оживает,
Проходит перевоплощений ряд.
И солнце — словно рана ножевая,
И птицы без умолка говорят.

Вот — Вербное,

а там, глядишь,— и Пасха.

И корочкой — небесная глазурь.
А с прошлым расстаешься без опаски —
Оно соринкой колется в глазу.

Безудержное это воскресенье
Последний прогоняет тяжкий сон,
И в церковь дух березовый, весенний
Из рощицы соседней занесен.

И, первый обновления поборник,
Кто в тайны мирозданья вовлечен —
Шагает улыбающийся дворник
С лопатой,
как с хоругвью над плечом.

И май и тютчевские грозы,
И радуг райские мосты,
И заново рожденный воздух
Первоначальной чистоты...

И жизнь безделица, вещица,
Доставшаяся без труда.
И на лотке у продавщицы
Редиски рдеющей гряда.

Глядит в окно соседская сосна,
Стучится загулявший дождик
(Он что-то должен у меня узнать
И что-то важное сказать мне должен).

Я выйду в сад, где ветерок ручной
Играет, ластится,
 проказливый, домашний.
Дохнуло влагой, свежестью речной,
И кто-то издали рукой мне машет.

Там, у ворот, крапива и пырей
С малиной в тесноте растут обнявшись.
Все в золотой, заманчивой поре...

А дождик смолк,
 как будто застеснявшись.

Симфония утра

Курлычет в небе самолет,
Щепоти птиц разбросаны.
Прохладу утреннюю пьет
Земля, умыта росами.

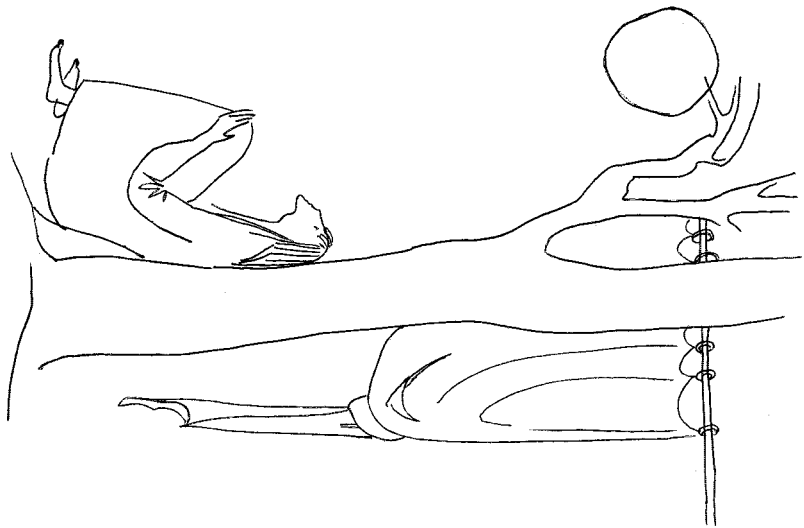
Все окрыленной и смелей
Вступают насекомые
В симфонию лесов, полей —
Она сто лет знакома им.

В ней проведен мотив реки
Извилистою линией.
И пароходные гудки
Басовой нотой вклинены.

О чем-то радостном своем
Трещит сорока мудрая.
И мы как воду воздух пьем
И любим это утро мы.

Как в зеркало, в мое окно
Глядится солнце красное.

А жизнь, как старое кино,
Яснее ясного.

* * *

Те семена взошли, которых не садили,
Негаданные вызрели плоды.
А там и заморозков первые седины,
И старости напрасные труды.

Что, человек , ты вымолил у Бога,
Что сотворил, не ведая о том?
Вот сын растет, опора и подмога.
Вот яблоневый сад и отчий дом.

И в этом суть вещей, сермяжная, простая —
Сидеть на лавочке под вечер у ворот,
Следя, как белый след в высоком небе тает,
И сорная трава без устали растет.

В конечном счете, том, которой сводят
С самим собой, остаться на нулях,
С любовью детской, той, что не проходит,
Со сносками чужими на полях
Тетрадей ученических, стопою
Пылящихся в чулане, в уголке...
И говорить, все говорить с тобою
На птичьем, чужестранном языке.

Ночной город

Опустится ночь, и, когда все уснут,
Я выйду из дома...
Ничто не мешает
Понять оголенного города суть.
Лишь вывеска «Блинной» кроваво мерцает.
Лишь око недремлющее светофора,
Да бронзовый гений стоит, не дыша.
Погашенных окон бездонны озера.
И города неуловима душа.
Чернеют пространства пустых площадей,
Плацдармы дневных неумолчных баталий.
И воздух над ними дыханье людей
Хранит. И ничейные мысли витают.
И толпы строений сомкнулись вокруг,
Безмолвные скопища душ человеческих.
И тысячи тонких, безлиственных рук
Протянуты к небу в мольбе бесконечной.
И в каждом бездонном, как пропасть, дворе
Полотнища плоских, распятых рубашек...
Он мертв, этот город закрытых дверей.
Но утро придет — и душа нараспашку.
Ведь жизнь превращений взаимных полна.
Вся — чередование мрака и света...
И круглая врезана в небо луна,
Начищенная золотая монета.

В первом классе

Постой, дай еще мне тебе рассказать,
Как странно отчетливо помнится долгий,
недетский,
Мой собственный взгляд из окна...

Наугад
Вернуться бы стало попыткой дерзкой.

Да, классе, наверное, в первом...Бесцветный денек.
Нет, сумерек утренних стынущий сбить,
Когда и беспомощен, и одинок
Равно сочинитель и Бог,
ученик и учитель.

Кусок отсыревшей, с опавшей известкой стены
Вплывает в окно.

И застенчивый тополь недвижим.

И я себя вижу как будто бы со стороны.

И всю эту пегую жизнь разбитную предвижу.

Так мне, семилетней, открыто, доступно сейчас
Все то, что заглушат потом сорняки междометий...
Скупой, усеченный, прошел ученический час.
И сморщенный тополь в открытом окне незаметен.

Снег пузырится пеной для бритья,
Стерильно-голубой, до головокруженья.
Крахмальная рубашка бытия,
Неловкой памяти возвратное движенье.

Возвратное — к чему — и след простыл.
И прошлогодний снег давно растаял.
Но отвернуться от него нет сил,
И духа в «завтра» заглянуть не станет.

И жизнь колеблется на этом рубеже
Невидимом — такая неумеха,
Между «еще» вместиться и «уже»
Пытаясь без особого успеха.

Сибирь

Домишки, домишки, домишки.
Косящий забор из гнилья.
Сигают босые мальчишки,
Чернеет сырая земля.

Я еду четвертые сутки,
Тревожа российскую ширь,
Пытаясь измерить рассудком
Бескрайнее слово «Сибирь».

Покосы, овражья...Вплотную
Подходит кедрач к полотну.
Таежного ветра вдохну я.
Хмельного настоя глотну.

А поезд как бешеный мчится
К заведомой цели одной.
И сердце стучится, стучится
И рвется из клетки грудной.

Шелушащихся сосен ласкающий шелест.
Розоватая кожица гибких верхушек.
И небесный покров тонкоперый ячеист,
И податливый полдень июньский воздушен.

И такая ветвистая вечная зелень,
И округлость цветущая женственных линий,
Будто не было той полосы невезенья.
Будто не было вязкой зимы и в помине.

Сокровенные залежи воздуха, света,
Сохраненные исподволь, втайне и втуне.
Только в самом начале, на взлете июня
Так живешь безнаказанно и безответно.

Между зимой и летом

Апрель прожженный. Горки пепелищ.
Провинциальный полдень рыже-карий.
И солнца круг над горизонтом крыш
Припахивает той же терпкой гарью.

Остриженные наголо, стоят
Мозолистые клены-культуристы.
И облака, построенные в ряд
Как на параде — так же мускулисты.

И наволочек бледные стада
Пасутся во дворах широкоскучных,
Там, где растут, не ведая стыда,
Стихи одни да мусорные кучи.

Но вот уже пробилась лебеда,
И силуэты скрылись в оперенье.
Сгорел апрель. Какая тут беда?
Осталось про него стихотворенье.

Мимолетное счастье

Солнцем закатным снизу подсвеченный сад.
Снова мгновенная эта приснилась картинка.
Пышные гроздья соцветий висят,
Детская скрипка поет под сурдинку.

Здесь так легко и привычно дышать,
Будто всю жизнь провела среди пышных соцветий,
Будто никто и не мог помешать
Слушать мелодии эти.

Может быть, рай,
 вот он,
 тут,
 среди ливня ветвей?
Среди наивных, покладистых мочек,
 тычинок?
И не найдешь никогда,
 не отыщешь ответ,
И не поймешь мимолетного счастья причину.

* * *

Как муравей, предназначенье знать,
Трудиться, торопясь домой с поклажей.
Не мучиться, очнувшись ото сна,
Кем этот мир задуман и налажен.

Но ты способен мыслить, человек,
И забывать о будущем на время,
Ты обречен влачить весь век
Свободы выбора заманчивое бремя.

Начало дождя

В температурном тумане слышишь детей,
Играющих во дворе, голоса.
Заигрыш, чиркающий по асфальту.
За горизонтами крыш набухает гроза.
Рыкающее контральто.

И не поймешь, это сон или явь.
Ты ли с мелком в сандалетах
Квадраты линуешь,
Пересекая излучины времени вплавь,
Будущее называя минувшим...
Дикторский голос за тонкой панельной стеной.
Неукоснительная прямота интонаций.
Время ли это обходит меня стороной,
Мне ли за ним не угнаться...

Ветер нахрапистый с маху толкнется в окно.
Первые капли понижут пространство,
Соединив нераздельно в одно
Землю и небо,
Изменчивость и постоянство.

Как дразнят запахи пасленовых культур,
Когда спускается вечерняя прохлада
В веселом сумраке запущенного сада
Среди воображаемых скульптур!

В тенистом полумраке бытия
Наследственная память обонянья
Как искра вспыхнет беглая. И я
Отправлюсь в добровольное изгнание

В те пахнувшие сладко времена,
Где осы беспардонные кружили,
И в небе зрела полная луна,
И мама с папой были еще живы.

1–13 января 1995 года

Что фиксирует мой отвлеченный зрачок?
Деревья сахарные, льдышки барбариса.
Шиповника старушечий пучок,
Пуховые подушки на карнизах.

И луковичной веет шелухой
По улицам, с утра оцепенелым,
Хранящим заскорузлый непокой
Домов мелкочаеистых, панельных.

Среди кварталов, сметанных впотай,
Моя остроугольная фигура
В картине общей — мелкая деталь.
Всего лишь бесполезная фактура.

Плеяда праздников. Сплошная череда.
Сезон неадекватных размышлений,
Самодопросов пристальных, когда
Вся жизнь твоя становится мишенью...

Крещенская молитва

Дай мне, Боже, еще в этом хрупком обличье побыть.
Упоительной, гиблой зимы торопливый
почувствовать локоть.

Этих сумерек резвых внезапную детскую прить.
Половинчатость неба, подернутого поволокой.

Эту в самом начале беззвездную, хриплую ночь,
Эти галочки хлопоты, переселенья, тревогу
Я не в силах еще потерять.

Превозмочь
Не смогу эту тяготу, тягу — от Бога.

И на завтра, когда загустевшего солнца желток
На весу меж землею и небом застынет,
Я узнаю, как мир этот мудр и жесток,
Восхитителен и бесконечно пустынен.

* * *

Под лампой снежная роится мошкара,
Идет январь тяжеловесным шагом.
В комок слипаются глухие вечера,
И коврик снега под окном зашаркан.

И этой каменной зимы не отделить
От тех, уступчивых, сдававшихся на милость,
Когда тянулась ласковая нить
Беседы,
гибкая, вилась, кружилась.

И стужа поодаль стояла на дворе,
И воровским косила глазом
В каком-то бывшем, стародавнем январе.
А может быть, и в том, и в этом разом.

Местная авиация

В.Ряхину

Помнишь, как бойкий летел самолетик,
дрожа и кренясь.
Трудно дыша,
мотылек облупившийся реял.
О авиация местная!
Тайная связь
Техники ветхой и облачных тех эмпиреев,
Сладостных тех,
о которых томишься внизу,
Робко, на ощупь дивясь жестяным переборкам.
Полно, взлетим ли?
— очнешься уже на весу,
Над молодым, тонкорунным пригорком.
Птичий, лукавый полет.
Все уменьшено так,
Чтобы игрушечным стать,
безмятежным, условным.
Смазался, стерся беспечный,
ленивый пустяк.
Только шерстистые, вечнозеленые склоны.
Выверен, точно рассчитан воздушный маршрут.
Речки зигзаг.
Чуть левее эскиз деревеньки
Сонной.
Крестьянский докучливый труд.
Патриархальное слово забыто навеки.
Нет, все не так безмятежно,
условно, светло
С этих высот мелкотравчатых,
стоит всмотреться.
Как лобовое зарделось румянцем стекло!
Настежь
пилотской кабины
распахнута дверца.

Урал

Урал предстанет предо мною
И вновь растает в облаках.
Дорога лентою стальнойю
Его изрезала бока.

Тоннелей сумрачные норы,
Уступов стертые резцы.
Урала каменистый норов,
Породы гордой образцы.

Вот так, хребет пересекая
И вырываясь на простор,
Мелькнет

как искра,

жизнь людская

На фоне вечной жизни гор.

* * *

Ледяные горбы тротуаров,
Мелких прутиков нервная дрожь.
То, что летом потеряно даром,
Посредине зимы не найдешь.

Но когда просыпаются птицы,
Все становится вновь на места.
Собираешь себя по крупицам,
И читаешь, как ноты — с листа.

* * *

Простынка снежная, широкая кайма.
Опять зима созвездьями богата.
Полжизни — ночь. Полжизни — кутерьма.
А твердь небесная, как и всегда, поката.
И жизнь, как яблоко, кругла и зелена...
Листвою пахнет, яблоком и снегом.
Кленовые мерцают семена —
Живая связь между землей и небом.

Как после вчерашней метели
Светло и бело на душе!
Подолы раскинули ели,
А воротники — до ушей.

Пичуги, теснясь и стесняясь,
С утра облепили балкон,
И снежная пыль, словно завесь,
Развешена возле окон.

Все радостно в этой картине,
И время среди облаков
Течет неизменно. И ныне
И присно. Вовеки веков
Так было и будет. Как веки
От солнца и снега дрожат!
Устали послушные ветки
Внезапную ношу держать
И клонятся долу. Не знаю,
За что эта радость дана,
Нечаянная и сквозная.
Кому я молиться должна
Об этих дебелых деревьях,
Об этих пичугах в окне.
Языческих идолов древних
Они повернули ко мне.
И солнце-Ярило ярится,
И все озаряет вокруг.
И новая жизни страница
Трепещет и рвется из рук.

Прощание с Мариной

Марина, простимся, простишь ли, Марина?
Высокая Кама,

крутая стремнина.

На берег — и к черному солнцу спиною.

Опало тяжелое небо парное.

Россия, снедаемая паранойей.

Ворованный воздух — глотками — смертельно —
Венозною пеной в беспомощном теле.

О век одиночества, алчущий выгод!

Окончена драма.

На выход.

На выдох.

Простимся, Марина, Марина, простишь ли?

Над Камой затишье.

* * *

До моей электрички несколько минут.
Гусеница автомобилей на переезде.
Щербатый асфальт платформы.
Все слова уже сказаны.
Вот она — из-за поворота — деловито гукающая.
Автоматическое шипенье дверей, —
И дай тебе Бог не вспоминать меня никогда.

* * *

Зима отступает со скрипом.
Глазурью облиты снега.
И, как запоздалый постскриптум,
Под утро нагрянет пурга.

На склонах чернеют зализы,
Сухая кустится трава.
И солнца двоякая линза
Свои укрупняет права.

А дней через пару, не больше,
Все преобразится вконец,
И в полузатопленной роще
Поселится старый жилец.

Он будет свистеть спозаранку,
Он пробовать голос начнет...
В березовой, крапчатой рамке
Отчизны горластый клочок.

* * *

Как неизвестность манит и гнетет,
Как все размыты следствия, причины...
Снегов однообразные морщины...

Я от себя пускаюсь наутек,
От жизни усредненной, от судьбы,
Которую не обмануть, наверно...

Засеребрится скоро ветка вербы,
Чтоб снова верить, помнить и любить.

Прогулка по Москве

Когда небо в мурашках и пологом снежная сыпь,
От Манежа к Никитским выводит блазнящийся
купол,
Над которым неоновый венчик недвижимый стоит,
А в витринах «Le Monti» улыбки бессонные кукол.

Сотни раз этот пройден вслепую отрезок пути,
Но сегодня как будто глаза открываешь впервые.
И озябшее, грузное небо навстречу летит,
И сливаются с небом в одно переулки рябые.

Водосточные трубы, сугробы, карнизы, клочки
Прошлогодней листвы кое-где на деревьях
Словно сквозь уменьшительные проплывают очки.
Снегоносное время степенно стареет.

И не в силах, не в силах ничто меня здесь удержать!
Ближний план незаметно становится дальним.
Рассыпные мигают огни, удаляясь, дрожат...
Только блюдце собора, и прежняя жизнь на ладони.

* * *

Весна.

Субтильный лук на подоконнике.
Мечтанья скрупулезно-водянистые.
Прогулки направленьями окольными,
Засыпанные высохшими листьями.

И снова закрутило, заморочило,
И снова на одном меня заклинило.
И на губах горячий привкус имени
И гласные ласкающие отчества.

И снова сны, как в отрочестве, сладкие,
Томительные чтения внеклассные.
И жить еще не хочется с оглядкой,
Что ожиданье все-таки прекраснее.

* * *

Все возвращается к истокам.
Все приближается к лицу.
Апрельский воздух тонко соткан,
Я на руках его несу.

А солнце метит рыжей мастью
Во сне сомлевшие леса,
И снег, недавно павший наземь,
Вновь улетает в небеса.

Деревьям есть уже чем шелестеть.
И я за них ужасно рада.
Плетет паук заманчивую сеть,
Таращится лопух из-за огады.

Еще весна, и трезвый холодок
Нам по ночам сухие губы сводит.
И сладок обжигающий глоток
Губительного воздуха тревоги.

Но завтра — лето. Славная пора.
А с ней и осень улыбнется ближе.
И в крапе трубчатого птичьего пера
Я снова карту звездную увижу.

И ночью, у походного костра,
Под лиственной, тяжело-влажной сенью,
Почувствую, как эта боль остра —
Безвыходно — наедине со всеми.

К лесу

Чем дышит лес, когда наедине
С собой он затевает игры,
Когда сосновый высится собор,
Бросая под ноги себе сухие иглы?

В нем ни души, лишь воздух до небес
Переполняет гулкое пространство.
Он бог и царь — рыжеволосый лес,
Неколебим и — верх непостоянства.

Какая тишь! И тут же птичий смех,
Мельканье брошенных на произвол соцветий,
Подлесков лиственных, кивающих помех,
В которых вольный заблудился ветер.

Он ищет выхода, он просится к реке,
Которой близко шумное дыханье.
И вот он пойман, он уже в руке
Моей, и постепенно затихает.

И я стою с природой наравне,
Ее живая часть, ее создание.
А лес шумит тревожней и стройней.
Вовеки неразгаданная тайна.

Июль прошел.

И лето решено.

В тяжеловесной формуле цветенья
Сквозит итог.

И торжество растенья

Желтинкой немощи омрачено.

Стрекозий зной.

Стеклянная жара.

Ты знаешь, мне...

мне кажется, как будто

Неуловима жизнь,

сиюминутна.

Еще вдали.

Уже — вчера.

Разомкнуты губы шиповника,
Раскрыты ладони жасмина.
Минутная у подоконника
Заминка, и дальше, и мимо.

Все царство природы роскошное
Старательно благоухает,
А там, где крыльцо перекошено,
В засаде крапива глухая.

Здесь тянется ус виноградника,
Тут ветер сережки качает,
И выпроставшись над оградой,
Пружинит стрела Иван-чая.

Когда как не в это блестящее,
Поющее, райское лето,
Гордиться походкой летящею,
Надев на запястья браслеты.

Гуляя до позднего вечера,
И в губы целуя шиповник,
Соседке признаться доверчиво,
Что он самый нежный любовник.

Эстонский кряжистый собор.
Прощальной проповеди звуки
Необъяснимые...

И взор

Христа...

Какие точные науки
Так состраданье разочли,
Так вычислили горечь муки,
И то окошко в вышине,
Над черным деревом распятыя,
Где света тоненькие пряди
С усилием тянутся ко мне...

* * *

Я знаю, осень, все твои повадки,
Пришептыванье, скорый говорок.
В линейку, в клетку школьные тетрадки,
Урок вчерашний, не пошедший впрок
Прилежной, нерадивой ученице,
Живущей безалаберно, навзрыд...

На первой, на единственной странице
Учебник жизни собственной раскрыт.

* * *

Как чисто в небесах, доверчиво, синё.
Наивной осени спокойное дыханье.
Какая перспектива у нее,
Когда последний луч блеснул и потухает
На окнах города, и вот уже во тьме
Каналы переулков тупиковых?
И время движется настойчиво к зиме
В ее роскошных блещущих оковах.

* * *

Не заметили, как порыжели деревья напротив,
Не увидели, как налились млечным соком плоды.
Как растительный мир этот хрупок, непрочен!
Как в отчетливом небе легко исчезают следы.

Дело близится к осени, как ни крути,— к увяданью.
Ничего не останется кроме единственной той,
Упоительной жизни, губительной, длительной,
дальней,
То ли перед, а может, и за неизбежной чертой.

* * *

Рыхлые эти, болезненные облака,
Над головою текущие непрестанно.
А за окном самолета пуховые стынут луга.
Клочкообразные, ватные страны.

Осень, ах как она робко, не сразу видна.
Как, театральные, декоративны дубравы и кущи.
Вдруг открывается небо внезапно, до дна.
Кем этот миг золотой, безразмерный отпущен?!

Все расстояния кажутся глубже, длинней.
Внятные дали, упругие, резкие тени.
Так вереница проходит задумчивых дней.
Листья бумажные.

Стебли усохших растений.

Из года в год повторяется,

из года в год

Эта минута сквозящая пеших прогулок.
Солнце скользит по атласной поверхности вод.
Жизнь не в тупик упирается, а в переулок.

* * *

Осенних облаков

тягучие стада,

На цыпочках стоящие осины.

В овраге тянется вчерашний след лосиный.

...Залог страдальческий

понятия «страда»!

На поле, где воинствует сорняк,

Тщедушный злак едва заметен.

О мир растительный!

Ты сир и наг,

Беспомощен и безответен.

* * *

Осень мне выстудит руки.

Осень высушит сердце.

Скоро оранжевой краской зальется соседский клен.

Наверняка она знает неизлечимое средство.

(Сколько же раз он поклонится, склонится, клон...)

Небо немым укором, кропотливой коростой

Ляжет сермяжной краской, вылижет грудь земли.

И никуда не деться, и никуда не скройся.

Между землей и небом ласточки да Кремли.

Осень мне студит руки, осень мне сердце сушит.

Сыпятся дни и ночи берестяным дождем.

И ничего, как только времени шепот слушать —

Осени шустрый шепот: ждали-дождя-ли-ждем.

* * *

Голосистое дерево, усыпанное воробьями,
Вот и ты опустело, сторбилось, приуныло.
Лето кончилось. Необъятного — не объяли.
Да и нет уж того лихорадочно-знобкого пыла.

Так стареет природа и съеживаются люди,
И срывается ветер громоздкий с неба сырого.
Глянцевитые яблоки осень выносит на блюде.
Близоруко смотрит, рассеянно и сурово.

Метро полночное. Элизиум теней.
Пространства гулкие, пустынные ступени.
Фигуры бронзовые кажутся стройней.
И время мраморное движется степеней.

Какие пышные трилистники цветут,
Сосущие скрывая жала!
Какое сонное дыхание минут
В подземной плоской раковине зала...

И эскалатора ребристая тропа
Наклонные мотает километры,
Последних пассажиров торопя,
Зажмурившихся от сырого ветра.

И я, вступив на этот шаткий путь,
Вертлявую на эту, рыбу хорду
В надежде воздуха свободного вдохнуть,
И не замечу, что шагаю против хода.

Инсбрук

Как в этом городе отвесном
На фоне башен и хребтов
Приметливому глазу тесно,
А слух к ущельям не готов!

Он падает с размаху в пропасть,
Оброненный случайно звук.
А я — отчаянного роста.
Я облако кормлю из рук.

И это все на самом деле —
Скамейка, дерево, река.
Бегущие по небу тени.
Ныряющие облака.

Пересеченная окрестность.
Простора алчущий прищур.
Багряная, сухая резкость
И неба синий абажур.

Мандельштам. Реминисценция

Кошма разорвана безвольных облаков —
Залог благонадежный просветленья.
На блюдечке томится молоко —
Лекарство верное от скупости и лени.

На блюдечке томится молоко.
Печаль жирна. Две-три случайных фразы.
Не знаю почему сегодня так легко,
Как не было, наверное, ни разу.

Осенняя стирка

Какие мыльные картины
Нам представляют облака!
Какие пропасти, куртины,
Крутые пенные бока!

Затеяна большая стирка,
И лопается, как пузырь,
Приплюснутая морда тигра,
И вырастает новый зверь.

Шипит и вздрагивает пена,
Вздымаясь шапкой набекрень,
И снова храм возводит стены.
И снова трещина и крен.

Все изменяется проворно —
Где гущина — тут был просвет.
Там чья-то тень скользнула вором.
И постоянства нет как нет...

Опять зима ступает следом.
Светает медленней, поздней...
И свежестырированным небом
Пропахла вереница дней.

* * *

На станции глухой, затерянной
В лесах Вселенной,
Токует первозданный тетерев
Самозабвенно.

Цивилизацией обманута,
Я здесь чужая,
А поезда трубят, как мамонты,
В отверстых куцах исчеза.

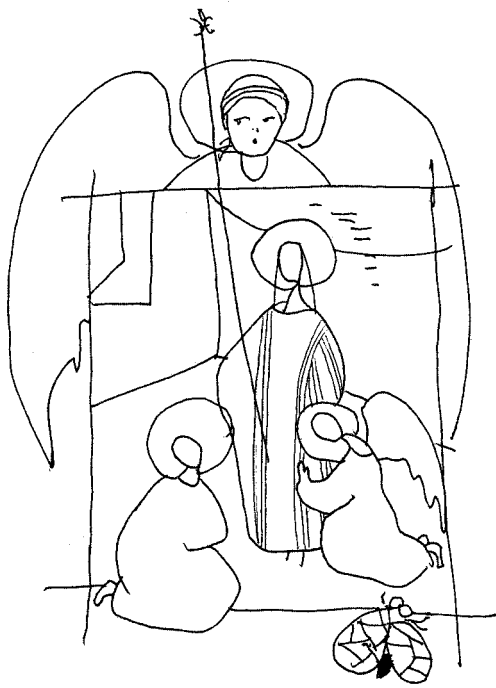
Полеты наяву

Млечная моль за окошком двойным аэробуса.
Крупная дрожь оперенья надсадная.
Пегий участок покатый учебного глобуса,
Перемежающий пастбища с лесопосадками.

Так — неподвижно — висит сребропузая рыбина,
И не колышется масса инертная воздуха,
Перистые облака мелкоперые вздыблены
И никому, слава Богу, не розданы.

Только вращается медленно шар ученический,
Перемещая невидимое население,
По берегам водоносных живущее ниточек,
Знающее без запинок таблицу деления.

И не болит уже сердце за эти уголья,
Что в чертеже педантичном подразумеваются.
И безразмерное это понятие «родина»
До кулачка ужимается.

Плывет в тоске необъяснимой
Среди кирпичного надсада
Ночной кораблик негасимый
Из Александровского сада.

И.Бродский

Жилище ангелов бумажных
И Богоматери приют,
Плывет кораблик наш отважный
Сквозь осень, мрак и уют.

Сквозь узаконенную зиму,
Сквозь ледяную синеву
Плывет кораблик нелюдимый
И замерзает на плаву.

Но ангелы надуют щеки
И заиграют на трубе,
Проснется мальчик светлоокий
И зарыдает о себе.

И жизнь качнется вправо-влево,
Подобно стрелке на весах,
Меж кромкой дня и коркой хлеба,
И горсткой пепла в волосах.

И будет вдосталь зла и горя,
Достанет боли и стыда,
Как будто жизнь начнется вскоре.
Другой не будет никогда.

Рисунок

Я нарисую все как надо.
Я нарисую все как есть.
Вдали толпящееся стадо.
Нахохлившийся, сивый лес.

Большую пасмурную птицу,
Парящую наискосок.
Обрывок выцветшего ситца
И неба дымного кусок.

И лодки выбеленный остов,
И ветра громкие хлопки,
И по реке плывущий остров,
И рядом мельче островки.

И дальний голос электрички,
Что приближается сипя.
И мельком, сбоку, по привычке,
Глазами чьими-то — себя.

* * *

Эти сумерки терпкие, этот крещенский мороз...
(Кто-то слово задумчивое нараспев произнес).
Как надышанный быстро затягивается глазок!
Мы одни на земле и от вечности на волосок.

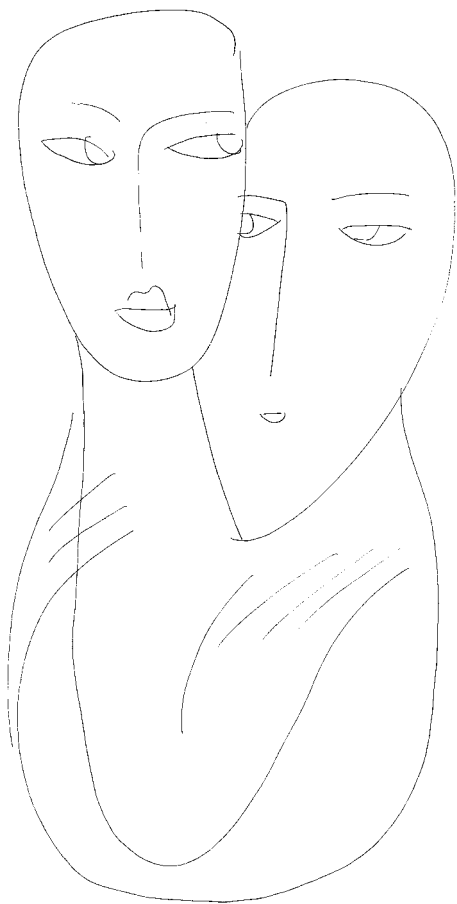
Проникающий холод, коснеющий времени ход.
(Вот на этом деленье секундная стрелка замрет).
Это было уже. Безвоздушный провал.
Завтра оттепель. Кто ее не миновал.

Дрожащий воздух меж деревьев.
Приклеенные облака.
Собачьи склоки за деревней,
Щелчки колес издалека.
Сегодня все полней, огромней,
Все откликается во мне,
И солнца медная жаровня
Попыхивает в вышине.
Отяжелевшей, сонной мухой
Зудит над полем самолет.
На поле внутреннего слуха
Работа долгая идет.
И вот уже я внятно слышу,
Как зреют злаки у межи.
Их голоса понятней, ближе,
И мысли вечные свежи.
Все эти травки и букашки —
Моя несметная родня.
Соцветья клевера и кашки
Лелеют, пестуют меня.
В краю, где нет ни слез, ни горя,
Никто не лучше, не правей,
Моей ладони плоскогорье
Осваивает муравей.

Как развиднелось к вечеру на небе,
Как прояснилось к ночи на душе...
Когда бы век таким жестоким не был,
Его бы вброд я перешла уже.

Усталой жизни трудное дыханье,
И новой неизбежные ростки —
Все постепенно к ночи затихает.
А ночи летние темны и коротки.

И я сижу, не зажигая света,
Среди разумных, но бессильных книг,
Не ждущий ни подмоги, ни совета,
Не знающий дороги проводник.

Ты шепчешь — любимая — мне,
И ночь отступает от окон,
И плавает месяц в окне,
И плещется в небе широком.

Ты шепчешь — любимая — мне,
И сходятся наши ладони,
И я не сумею — нежней,
И я не сумею — бездонней.

Ты шепчешь — любимая — мне,
И я повторяю — любимый.
Нас двое на этой земле.
И время проносится мимо.

Что — год нам, неделя, что — миг,
Когда мы всеильные боги,
И сердце так сладко щемит
От счастья, любви и тревоги.

Вот и закончили среднюю школу зимы,
Перевернули страницы жестоких укоров.
Пятна стыда нам теперь бы чернильные смыть
И распахнуть холостой ученический короб.
Вот по весне и начнем своевольную жизнь.
Сад-огород семенами засеем благими.
Осени только теперь урожайной дождись.
Там и найдем всему этому должное имя.
Там, погляди, и тебя не оставит Господь
В тягости. И над тобой распластаются крылья,
Те, у которых стерильно-крахмальный испод.
Но ведь спасти — не спасут, а полнеба — закрыли.

Дача

Дача. Уголок шестидесятых.
Детства незабвенный уголок.
Целый мир, заброшенный, дощатый.
Костерка нетленный уголок.

Самовар с надутыми щеками.
Никелевой койки холодок.
Трав пучки сушеные веками
На печи хранятся, видит Бог.

Мальчик Саша цвета шоколадки
День-деньской гогочет у реки.
Угловато прыгают лопатки.
Статуями стынут рыбаки.

Домик ветхий никуда не годен.
Ставни закрываются скрипя.
Белая дорога. Пыльный полдень.
Уголок свободы от себя.

Связи обратной нет.
Где-то оборван нерв.
Тесно в пустой квартире.
Кто там, в эфире?

Голоса не подаешь.
Дождь шелестящий. Дрожь.
Замкнутого пространства
Зябкое непостоянство.

Ветка черкнет по стеклу.
Дальний аукнет поезд.
Поздно. Постель постелю.
Мерзнет открытая повесть.

Январь. Топорщатся метелки сухостоя
Среди снегов у городской реки.
Копаться в будущем — занятие пустое.
Оглядываться — тоже не с руки.

И я смотрю вокруг и замечаю
Все то, что раньше видеть не могла.
И опыт, тот, который за плечами,
Уже не ставлю во главу угла.

И все безоговорочней прощаю,
Что раньше не сумела бы простить,
И связь между отдельными вещами
Свивается в одну живую нить.

Так это солнце зябкое в зените
И ласковый младенец на руках
Единой связаны невидимую нитью.
И я живу как будто по наитью,
И я дышу — за совесть, не за страх.

* * *

В этой жизни единственной,

где между «да» и «нет»

Только лезвие бритвы опасной просунется разве,

Где внезапный вопрос

превращается необратимо в ответ,

И не в силах постичь ничего заигравшийся разум,

Я уже не пытаюсь,

не тщусь объяснение найти

Ни словам, ни поступкам своим скороспелым,

И никак не сверну, напролом — по чужому пути.

Он лежит предо мною — по черному белым,

по черному белым.

И когда я твой сон охраняю, мой славный малыш,

Среди елок и лип в городском лесопарке,

На душе голубиный покой, долгожданная тишь.

И еловые свечи желтеют заманчиво, жарко.

И отчаянно хочется жить, не боясь перемен,

Не боясь перейти эту грань, за которой — расплата.

И не ставить себя никому ни в укор, ни в пример.

Только помнить,

что люди бывают добры и крылаты.

* * *

Мы покрасили пол, и так стало счастливо вокруг,
Будто все и зависело вот от такого решенья.
Мы синицу залетную сказками кормим из рук,
И уже зачтены неизбежные все прегрешенья.

И когда за окном опускается зимняя ночь
На безумную землю, которая все дорожает,
Я с вязаньем сажусь и мурлыкаю что-то под нос,
И двухлетний сынок, повторяя меня, продолжает.

* * *

А все идет обычным чередом.
Рябина пламенеет на морозе.
Я обустроить пытаюсь дом,
А за окном осиротели гроздья.

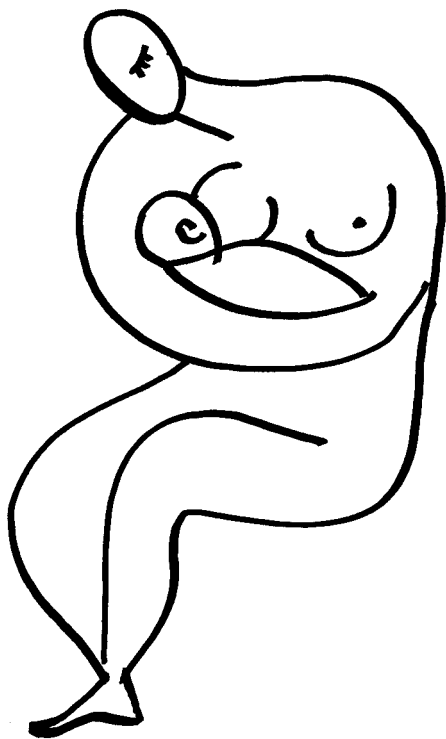
И мне еще так долго привыкать
К сиротству собственному,
бесприютству —
Пока пройдут соленые века,
И долгожданные дожди прольются.

* * *

Все будет хорошо. Все хорошо, что будет.
Смотри, как сладко спит комочек наш родной.
И мы с тобой уснем, чужие, в общем, люди,
Но без тебя мне так невесело одной.
Но без тебя мне так тревожно и пустынно!
(Любимый, милый мой! Тебя дороже нет!)
Я на руки беру проснувшегося сына.
Его второй зимы на окнах мокрый снег.

И время не идет, а топчется на месте,
И скаредной зиме, как видно, нет конца.
Но наступает час, когда мы снова вместе,
Когда моя ладонь у твоего лица.

И я спугнуть боюсь счастливую минуту.
(Как вкопанные стали стрелки на часах).
Все будет хорошо. Все горькое минует.
Лишь иней на стекле и соль на волосах.

* * *

Я принимаю все на веру —
И смерти суть, и жизни сон.
Небесная сквозная сфера —
Мой отчий дом.

Певучей речи слог знакомый
И осени летучий свет,
Простые бытия законы,
На небе реактивный след.

И нет тревоги и сомнений,
Лишь неба глянцевая синь,
И за спиною добрый гений,
И маленький в кроватке сын.

* * *

Детства сосновый запах,
Каникулы у реки,
Солнце в колючих лапах,
Бабочки, мотыльки.

Еще мы не знаем сами,
Как эта река глубока.
Еще мы в ладу с чудесами.
Еще мы бессмертны пока.

* * *

Ты спишь.

И колеблется синяя ночь за окном.

И кто знает, о чем в тишине вспоминают созвездья.

Эта ночь невзначай промелькнет, а потом

Новый день принесет долгожданные добрые вести.

И реальной покажется вдруг голубая мечта,

Что когда-нибудь счастливы будут хорошие люди.

И начнется обычная жизнь, нет не эта, не та, —

Настоящая жизнь, без прикрас, без иллюзий.

* * *

Ты спишь, детеныш мой, причмокивая сладко.
И я с тобой рядком немного подремлю.
Пока еще зима свирепствует порядком,
Но март уже спешит на смену февралю.
Вот так и в жизни все бы разрешалось просто.
Послушно таял лед упреков и обид.
Но на душе беда шершавою коростой.
Оставь ее, не тронь. Она сильней болит.
Когда ты на весну, любимый, строишь планы,
Я губы поплотней сожму — не застонать.
Детеныш сладко спит. Все тихо. Вот и славно.
Я женщина, жена. Но прежде все же — мать.

* * *

Глухозимье.

Кленовых семян побрякушки.
Детство сына. Катанье на саночках с горки.
Новогодние сны. Огоньки и хлопушки.
Аромат мандариновой корки.

Детство сына. Своя инфантильная зрелость.
Что еще? Ожидание чуда?
Теплый дом, чтоб с мороза душа отогрелась.

Ветви клена раскинулись мудро.

* * *

Калачиком — и к маме под бочок.
Так засыпается легко и сладко.
Сынишка затаился и молчок,
И в кулачке зажата шоколадка.

То улыбается во сне мой бог,
То морщит переносицу упрямо.
Ты заново родиться мне помог,
И дал божественное имя — мама.

* * *

Весна весь мир заполонила вдруг!
И я живу, и не считаю даты,
Когда сынок мой выпорхнет из рук,
И станет сыном, мужем и солдатом.

А он лопочет, вертится, звенит.
И как с весной, с ним никакого сладу!
«Петруха, лишь бы не было войны»,—
Шепчу. (Ах, как старухи наши правы!)

А он звенит, былинке малой рад,
И с каждой живностью дворовой дружен.
В неведенье — не ведает преград.
И мастерит из палочки оружие.

Сынишке одеяло подоткнуть.
Задернуть шторы от дурного глаза,
И — в мир своих фантазий.
В долгий путь,
Туда, где не была еще ни разу.

Там мама с папой живы, и втроем
Мы бродим по аллеям лесопарка...
Прохладный, голубеет водоем,
Широколиственная манит арка.

Мы говорим как будто ни о чем,
И вдруг на полуслове замолкаем.
И что-то большее в глазах прочтем...
Крошится вековой дорожный камень.

И в этом измерении другом,
Где долг и честь, и Родина, и совесть
Еще не попораны, здесь отчий дом.
Здесь все, о чем болею, беспокоюсь.

.....
Опять сынок раскинулся во сне
(Ах, мама, ты бы так любила внука!)
Ему пока все проще и ясней,
Чем нам.

А жизнь — всего лишь школьная наука.

Церковки в шлемах, надвинутых низко,
Птичьи разборки, шум-гам, толкотня.
Снова скворцы поменяли прописку...
Запахи дыма и отблеск огня.

Сырость, мякина, бывшие потери,
Остовы полуснесенных домов.
Город, как только что вставший с постели,—
Заспан, растерян, к себе не готов.

Медленный ангел спускается с неба,
И, словно тяжесть, упавшая с плеч,
Рыхлые комья последнего снега.

Первой листвы неумелая речь.

* * *

Когда мужчины спят,
Все затихает в доме,
И я их тихий сон,
Как ангел, берегу.
Когда мужчины спят
Щекою на ладони,
Спокойно и легко
На нашем берегу.

И времени ручей
Журчит почти неслышно,
И щепочкой меня,
Счастливую, несет
Туда, где свет и сон,
И веткою колышет
Тот самый человек,
Который всех спасет.

Опять листва поет и пенится, и ропщет.
И ночью соловей клокочет без конца.
И снится снова мне размашистая роща,
Но нет уже со мной ни мамы, ни отца.

Их нет среди живых, а где они — Бог знает.
И тайну бытия никто не разрешит.
Волнуется листва, широкая, резная,
И ласковый сынок навстречу мне спешит.

На небе свежие сугробы,
Непроходимые снега.
Зеленым запахом укропным
Дохнуло из березняка.

Мелькают солнечные спицы,
Размазан почвы пластилин.
Пернатым поутру не спится
И не сидится дома им.

Природа сбрасывает кожу,
А вместе с ней и лишний вес.
День удивительно погожий
Отпущен волею небес.

В окошки пялится рассада,
Сыта, нахраписта, крепка,
И лопаются от надсады
Пакеты из-под молока.

Сигналит птаха боевая
На ультразвуковой волне,
И жизнь совсем не убывает —
Накапливается во мне.

Содержание

Слово об авторе	5
«Учебник жизни собственной пишу...»	6
«По первому снегу, по крестикам птичьих следов...»	7
«Дом, выгоревший изнутри...»	8
«Музуровские номера»	9
«По старым улицам ходьба...»	10
«Утро пахнет облаком...»	11
Пересекая Лядской	12
«В соборе католическом темно...»	13
«В пустом воскресном городе...»	14
Кухонный амфибрахий	15
«Кучки вяленых листьев...»	16
«Ключок растительности скудной...»	17
«Запустенье и ветхость, и запах печали в доме...»	18
«Ночь стоит за порогом...»	19
Вечер. Дождь	20
«Кислый кожух навыворот вечной овчинной зимы...»	21
«Деревья уже оголились...»	22
Мираж	23
Отражение	25
Минута ясности	26
Монолог библиофила	27
Август. Дежурство в онкологической клинике	28
«Есть память ощущений...»	29
Липовый цвет	30
«Нет ни прошлого, ни будущего нет...»	31
«Разорван, скомкан горизонт...»	32
Жизнь утекает	33
«Есть час единственный на протяжении суток...»	34

«Осень поздняя, стылая мокрядь...»	35
«Поминальную свечку в перквишке ледащей куплю...»	37
«Разреженная шевелюра клена...»	38
В окруженьи кактусов и пыли...»	39
Из дачного окна	40
«Все страшнее и проще...»	41
«Весна...»	42
«И май и тютчевские грозы...»	43
«Глядит в окно соседская сосна...»	44
Симфония утра	45
«Те семена взошли, которых не садили...»	47
«В конечном счете, том, который сводят...»	48
Ночной город	49
В первом классе	50
«Снег пузырится пеной для бритья...»	51
Сибирь	52
«Шелушащихся сосен ласкающий шелест...»	53
Между зимой и летом	54
Мимолетное счастье	55
«Как муравей, предназначенье знать...»	56
Начало дождя	57
«Как дразнят запахи пасленовых культур...»	58
1-13 января 1995 года	59
Крещенская молитва	60
«Под лампой снежная роится мошкара...»	61
Местная авиация	62
Урал	63
«Ледяные горбы тротуаров...»	64
«Простынка снежная, широкая кайма...»	65
«Как после вчерашней метели...»	66
Прощание с Мариной	67
«До моей электрички несколько минут...»	68
«Зима отступает со скрипом...»	69
«Как неизвестность манит и гнетет...»	70
Прогулка по Москве	71
«Весна. Сублильный лук на подоконнике...»	72

«Все возвращается к истокам...»	73
«Деревьям есть уже чем шелестеть...»	74
До Франции пять километров	75
К лесу	76
«Июль прошел. И лето решено...»	77
«Разомкнуты губы шиповника...»	78
«Эстонский кряжистый собор...»	79
«Я знаю, осень, все твои повадки...»	80
«Как чисто в небесах, доверчиво, синё...»	81
«Не заметили, как порыжели деревья напротив...»	82
«Заплаканный, набухший лес...»	83
«Рыхлые эти, болезненные облака...»	84
«Осенних облаков тягучие стада...»	85
«Осень мне выстудит руки...»	86
«Голосистое дерево, усыпанное воробьями...»	87
«Метро полночное...»	88
Инсбрук	89
Мандельштам. Реминисценция	90
Осенняя стирка	91
«На станции глухой, затерянной...»	92
Полеты наяву	93
«Жилище ангелов бумажных...»	95
Рисунок	96
«Эти сумерки терпкие, этот крещенский мороз...»	97
«Дрожащий воздух меж деревьев...»	98
«Как развиднелось к вечеру на небе...»	99
«Ты шепчешь - любимая - мне...»	101
«Вот и закончили среднюю школу зимы...»	102
Дача	103
«Связи обратной нет...»	104
«Январь. Топорчатся метелки сухостоя...»	105
«В этой жизни единственной...»	106
«Мы покрасили пол, и так стало счастливо вокруг...»	107
«А все идет обычным чередом...»	108
«Все будет хорошо. Все хорошо, что будет...»	109
«Я принимаю все на веру...»	111

«Детства сосновый запах...»	112
«Ты спишь. И колеблется синяя ночь за окном...»	113
«Ты спишь, детеныш мой, причмокивая сладко...»	114
«Глухозимье. Кленовых семян побрякушки...»	115
«Калачиком — и к маме под бочок...»	116
«Весна весь мир заполонила вдруг!..»	117
«Сынишке одеяло подоткнуть...»	118
«Церковки в шлемах, надвинутых низко...»	119
«Когда мужчины спят...»	121
«Опять листва поет и пенится, и рошчет...»	122
«На небе свежие сугробы...»	123

Литературно-художественное издание

Бурундуковская Елена Викторовна

Учебник жизни собственной пишу...

СТИХИ

(на русском языке)

Редактор *Ч.А.Гайфуллина*

Художники: *Н.Ю.Воропаева, Л.Е.Евграфова* (иллюстрации)

Художественный редактор *Р.Г.Шамсутдинов*

Техническое редактирование и компьютерная верстка

С.Н.Нуриевой

Корректор *Н.И.Максимова*

Лицензия на издательскую деятельность № 04184 от 6 марта 2001 года

С оригинал-макета подписано в печать 2.06.2004. Формат 70×90 ¹/₃₂.

Бумага офсетная. Гарнитура «Nimbus». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 4,68 + форз. 0,15. Усл. кр.-отг. 5,56. Уч.-изд. л. 3,55 + форз. 0,26. Тираж 2000. Заказ Э-363.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул.Баумана, 19.

**<http://tatkniga.ru>
e-mail: tki@tatkniga.ru**

Оригинал-макет подготовлен с помощью пакета программ Jahat™

Государственное унитарное предприятие
издательско-полиграфический комплекс «Идел-Пресс».
420066. Казань, ул. Декабристов, 2.